

Федор
ПЛЕВАКО

СУДЕБНЫЕ
РЕЧИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1
П 38

Оформление обложки Ильи Кучмы

Плевако Ф.

П 38 Судебные речи / Федор Плевако. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с.

ISBN 978-5-389-33288-1

Отец российской судебной риторики Федор Плевако по праву считается одним из лучших адвокатов Российской империи. Благодаря острому уму и выдающемуся красноречию Федор Плевако выиграл более двух сотен дел, среди которых оказалось немало таких, где у защиты практически не было шансов на победу. Среди его подзащитных были люди всех сословий — от князей до крестьян. Он прославился участием в крупнейших политических и уголовных процессах конца XIX — начала XX века. Он умел будить лучшие чувства в сердцах присяжных и находить нужные слова, чтобы склонить их мнение на свою сторону.

Яркая демонстрация профессионализма и ораторского мастерства Плевако стала возможна благодаря не только образованию, полученному на юридическом факультете Московского университета, но и судебной реформе 1864 года, которая утвердила создание суда присяжных и введение новых должностей присяжных поверенных — адвокатов. Именно на этом поприще взойшла звезда «московского златоуста» Федора Плевако, чьи речи — яркие, логичные, остроумные — по сей день применяются как учебное пособие для студентов юридических вузов и остаются важной частью гуманитарного наследия России.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-389-33288-1

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ДЕЛО В. А. ЛУКАШЕВИЧА, обвиняемого в убийстве мачехи

Заседание Екатеринославского суда с участием присяжных заседателей в г. Екатеринославе 7 и 8 февраля 1880 г. под председательством товарища председателя А. И. Лескова.

Обвинял товарищ Прокурора И. Д. Ревуцкий, защищал Ф. Н. Плевако.

В ночь на 25 октября 1878 г. отставной ротмистр Николай Александрович Лукашевич, в имении своего отца, дер. Лукашевке, Екатеринославской губ., несколькими выстрелами из револьвера убил свою мачеху Фанни Владимировну Лукашевич.

Фанни Владимировна была второй женою А. П. Лукашевича, у которого от первого брака было два взрослых сына — Николай и Леонид.

Вскоре после того, как Ф. В. вошла в дом Лукашевичей, в нем начинаются ссоры, и отношения всех членов семьи обостряются; старший сын Николай, к которому она относится особенно враждебно, молча сносит ее обиды; младший — Леонид — покидает Лукашевку и поселяется в Екатеринославе.

Семейная жизнь Лукашевичей с каждым днем ухудшается, и незадолго до события 25 октября 1878 г. Ф. В. покидает мужа и переезжает в Екатеринослав.

По причинам, по делу не выясненным, Леонид Александрович Лукашевич кончает жизнь самоубийством, Николай Александрович уже не в состоянии спокойно говорить о мачехе: он подозревает ее в любовной свя-

зи с погибшим братом. Самоубийство брата постоянно волнует Николая Александровича и служит всегдашней темой разговоров в Лукашевке.

В ночь на 25 октября 1878 г. в доме Лукашевичей были отец с сыном и поздно засидевшийся у них в гостях арендатор их имения Авраменко; беседа вращалась около смерти младшего Лукашевича.

Ненависть к Ф. В. и раздражение против нее Николая Александровича доходят до крайних пределов.

Вдруг поздно ночью приезжает в Лукашевку Ф. В. для объяснений с мужем. Александр Петрович старается ее удалить и предупредить встречу ее с сыном, но это ему не удается. Несколькими выстрелами из-за спины отца в мачеху Николай Александрович ее убивает.

Приглашенному врачу пришлось лишь констатировать смерть Ф. В.; вскрытием трупа установлено, что Ф. В. в момент убийства была беременна.

Николай Александрович Лукашевич обвинялся по ч. I ст. 1455 Уложения о наказаниях, то есть в умышленном убийстве.

Вердиктом присяжных заседателей Н. А. Лукашевич признан совершившим убийство в припадке умоисступления.

Суд постановил: считать подсудимого оправданным по суду и, согласно ст. 96 Уложения о наказаниях, отдать его родителям или благонадежным родственникам на попечение, с обязательством иметь за ним тщательное наблюдение.

Речь в защиту Н. А. Лукашевича

Вы, вероятно, помните, господа присяжные заседатели, что в конце обвинительного акта говорится о том, какое вы будете дело рассматривать, о каком преступлении идет речь, что там вам прочитали статью тысяча четыреста пятьдесят пять. Если вы обратитесь к Уложению и посмотрите, что, собственно, в первой части

тысяча четыреста пятьдесят пятой статьи заключается, какое там преступление имеется в виду, то увидите страшные слова «умышленное убийство».

Мы полагали, что с этим обвинением нам бороться не придется, и после судебного следствия, по-видимому, с этой стороны для нас был выигрыш дела.

Но только что произнесенная прокурором речь закончена тем же обвинением — обвинением в умышленном убийстве.

Конечно, для того, чтобы судить, насколько данные обвинения готовят к подобному приговору, надо выяснить, что за деяние, в котором обвиняют нас? Нет ли в этом отношении между нами какого-нибудь разномыслия?

Но относительно умышленного убийства ни у одного народа не было разномыслия. Умышленное убийство — это самое страшное зло, на какое только способна злая воля человека, умышленного убийцы. Я не знаю такого заблуждающегося века, я не знаю такого заблуждающегося человечества или отдельного народа, где бы на умышленного убийцу смотрели иначе. На него везде идет гнев законодателя, раздражение общества, строгий приговор суда.

И совершенно понятно. Ведь умышленный убийца — это человек, который умеет заставить в себе замолчать то естественное чувство отвращения, которое возбуждается у человека при мысли о крови, о страданиях, о смерти. Ведь умышленный убийца — это человек, которому ничего не значат стоны, просьбы и мольбы жертвы, которую он разит. Умышленный убийца — это человек, которому ничего не значит разбить те скрижали, которые имеются в сердце всякого человека и на которых написано: «Не убий». Поэтому нет выше кары, как кара, преследующая подобное деяние, нет выше зла, как зло — умышленное убийство.

Но ввиду этого законодатель, суд и тысячелетняя мудрость веков давно уже выработали положение в ви-

де математической истины, не допускающей никакого возражения, что не всякое убийство следует считать умышленным убийством, что между убийством умышленным и убийством при других условиях может быть величайшая разница, и законодатель отвел для другого убийства название запальчивого.

Запальчивое убийство — другое дело. Здесь человек не имеет времени побороться с нравственными запросами, которые мешают ему исполнить известное зло. Запальчивое убийство необыкновенно быстро появляется, мысль необыкновенно быстро переходит в действие, так сказать, разум и совесть не успевают догнать той решимости, сила которой вызывается причинами, не всегда лежащими в самом подсудимом. В самом поступке запальчивого убийцы видно бывает, от каких причин произошло убийство: произошло ли оно от внешних причин — страха, ужаса, или от причин внутренних — мести, ревности и тому подобного.

Мало того, запальчивым убийцею иногда бывает человек, который вовремя не мог остеречься от того зла, на которое нечаянно напал. Здесь возможны даже мотивы нравственные, мотивы похвальные. Нередко убийство совершают ввиду того, что человек раздражен силою неправды тех, против которых убийца в минуту запальчивости направляет свою преступную руку.

Многие страны, которые опередили нас своим юридическим опытом, страны, которые более нас имели примеров, более думали над вопросами права, давно выработали у себя образцовый суд, которым мы владеем только несколько лет, — многие страны с давнего времени признали между этими двумя родами убийства такую разницу, что эти два преступления существенно отделены одно от другого. В то время, когда первое рассматривается как тяжкое преступление и суд над умышленным убийцею совершается при помощи представителей общественной совести, которые всегда призываются в самых важных делах, — запальчивые

преступления во многих странах рассматриваются как такие деяния, которые не колеблют сильно общественный порядок; этого рода дела разрешают судьи в малом составе, потому что здесь нет уже такой кары, которая идет на преступника умышленного.

Наш закон в этом отношении составляет некоторое исключение. Правда, и он уступил требованиям справедливости: наш закон смотрит на запальчивое убийство как на такое преступление, которое наказывается слабее; этот род убийства рассматривается как преступление низшего порядка. Но эта разница не выражена в такой существенной форме, как это сделано в других странах. У нас запальчивых убийц приводят сюда, рассматривают вопрос об их участии при вашем участии, а вы, господа присяжные заседатели, уже по опыту знаете, что вас призывают на дела самые важные: где одни коронные судьи затрудняются разрешить вопрос о виновности, там законодатель призывает на помощь голос общественной совести.

Объяснить подобного рода аномалию в нашем уголовном процессе очень легко: наше Уложение отстало от нашего процесса. В то время, как мы пользуемся теперь судом самой последней выработки, судом, который может поспорить с судебными учреждениями стран более культурных, наше Уложение на несколько лет старше.

Но старость не везде достойна уважения. В нашем Уложении еще осталось много такого, что не подходит к требованиям науки и нуждается в усиленной работе серьезной мысли. Наше Уложение написано в то время, когда о новых судебных учреждениях не было и помину, когда судебный процесс составлял канцелярское производство, от которого общество было совершенно удалено; когда судебные дела решались руками, слишком не подготовленными, когда, по русской пословице, работа делалась топором там, где нужен искусный резец. В то время учение такого рода, которое бы разли-

чало убийства умышленное и запальчивое, умело бы отнести данное деяние к той или другой категории, — такое учение казалось не под силу — не под силу тем, кто редактировал Уложение и творил суд и расправу.

Вот почему законодатель дал несколько более общую форму понятию о запальчивом убийстве и не обособил это преступление такими резкими признаками, по которым оно существенно отличалось бы от преступлений тяжких. Вот почему разрешение вопроса о том, к какой категории отнести то или другое деяние, передано суду с участием представителей общественной совести.

Но ввиду строгости закона, ввиду важности преступления, называемого убийством в запальчивости, недостаточно было бы остановиться только на том, не подходит ли настоящее деяние к этой категории: это противоречило бы и тем данным, которые дало нам судебное следствие.

Вот почему я должен сказать, что одним спором о том, к какому из двух видов убийств относится настоящее деяние, я не могу ограничиться: задача моя не будет выполнена, обязанности мои будут нарушены. Я должен идти далее, и сам законодатель дает мне для этого средство.

Законодатель знает еще случай убийства — это случай, когда от моих насильственных действий последовала чья-либо смерть, хотя в моем намерении и не было мысли нанести ее. Здесь законодатель принимает во внимание, что все-таки моя рука была причиною смерти, убийства человека, хотя мысль и не шла за этим. Такое деяние законодатель рассматривает более снисходительно, и, раз признают, что, причиняя смерть, преступник не имел умысла, законодатель рассматривает это деяние как менее наказуемое, более терпимое, причем рассуждает так: здесь рука была в несогласии с головой.

Но так как за грех, который совершила рука, за неимением возможности наказать преступную руку, по-

щадить голову и душу, наказывают человека в целой его личности, а не какой-либо отдельный член организма, то поневоле приходится рассматривать это деяние как более слабое, которое является продуктом лишь одной руки, без всякого участия головы.

Вот третья форма преследования со стороны законодателя за деяния, производящие насильственную смерть.

Тем не менее законодатель не мог остановиться и на этом. Правда, с большою трудностью, с большою борьбою, шаг за шагом уступая требованиям науки и опыта, законодатель должен был признать, что совершаются убийства нередко в таком состоянии, когда суду человеческому нет места, когда обвинению нет основания. Это — убийства, совершаемые в таком состоянии человеческого духа, когда воля и разум оставляют человека.

В прежнее время трудно соглашались на подобного рода суждения. В летописях старых уголовных судилищ записаны отвратительные протоколы, рассказы-вающие о колесовании и других тяжких наказаниях, которым подвергались сумасшедшие и безумные за то, что в сумасшествии и безумии совершали те или другие деяния.

Уступая постепенно требованиям жизни, науки и справедливости, законодательство пошло дальше. Не только тот, кто безумен или сумасшедш от рождения, кто неизлечимо болен, бывает в таком состоянии; бывают в таком состоянии и люди, доведенные до болезни обстоятельствами жизни, сложившейся под влиянием особенных условий, которые оставляют в душе те нагноения, под давлением которых человек легко отдается известному току страсти, без всякого участия разума и воли.

Это — те деяния, которые законодатель называет убийством в состоянии умоисступления и доказанного беспамятства.

При этом законодатель вовсе не карает и объясняет это тем, что человек в это время делается бессмысленным животным, человек делается просто машиной, представляет собою странную смесь, смесь разумной воли с безволием. Законодатель знает преступление, зажигательство в беспамятстве, — такое преступление, для которого нужен известный ряд действий, известная осторожность, сообразительность: как, куда и в какое время пойти, что зажечь, чем зажечь и так далее, но и в этом случае законодатель допускает доказательство совершения подобного рода деяния в умоисступлении.

Таким образом, пред нами четыре категории одного и того же преступления. К какой из этих четырех категорий отнести данное дело — это будет служить предметом того слова, с которым в последний раз я обращаюсь к вам в интересах подсудимого.

Признаюсь, я немало удивляюсь тому недоверию, с каким отнесся представитель обвинения к выводам того эксперта, который по обстоятельствам дела высказал свое мнение о болезненном состоянии подсудимого в момент несчастья.

Замечательно в этом отношении устроена человеческая мысль; вообще, с развитием и образованием каждый любит наблюдать всякий внешний факт, всякое внешнее явление природы и истолковывать причины внешних явлений не только текущих, но и давно протекших. В горах мусора мы находим причины нынешнего состояния земли, в той или другой форме открываем причины, действовавшие за сотни тысяч лет, а пылкое воображение заходит даже за миллионы лет.

Но когда исследуем человека, то большею частью как только привяжем известное деяние к делу его рук, так и полагаем, что задача мысли уже окончилась, что весь вопрос уже разрешен: чья рука совершила, того воля повинна. За человеком, вне его, причин не ищем и не признаем.

Прием отчасти разумный, но только им часто злоупотребляют. Разумность его вот в чем состоит. Судебный закон, запрещающий под страхом наказания известное деяние, признает самое суждение о нем мыслимым только под одним углом зрения: человек нравственно свободен и нравственно ответствен в своих деяниях. Но когда человек расстраивается, когда его мысли и чувства идут вразлад с действиями, тогда человек вовсе не ответствен за свои деяния, ибо он не есть необходимый автор тех или других действий и совершает их с такою необходимостью, с какою совершаются внешние явления природы.

Если так, то, собственно говоря, суд и положения закона будут пустыми словами. Если мы признаем человека совершившим известное деяние в силу роковой необходимости, значит он есть та лейденская банка, в которой совершилось то или другое действие, подлежащее исследованию науки. Суд, которому надлежит разобрать, кто виновен и кто не виновен, будет взамен суждения кидать в рулетку о виновности или невиновности человека; но может ли быть речь о виновности человека, которому суждено было совершить то или другое деяние? Может быть, со временем мы узнаем и то, что теперь, по мнению одного из экспертов, находится вне власти науки, обладающей еще малым запасом опыта и наблюдений. Может быть, со временем при новом толчке метафизических, философских воззрений тот инстинкт, который живет во всех, главным образом в обществе обыкновенных практических людей, настолько восторгается, что придется иметь сче-ты с каждым деянием. Пока же я считаю совершенно соответствующим требованиям времени понятие об ответственности человека, доколе действия его имеют своей подкладкой свободную волю, потому что и нравственный человек может совершить безнравственный поступок.

Но при этом надобно одно помнить, что человек — не Бог и не демон, что силы его не безграничны и он не

может справиться со всякими тягостями, которые идут ему навстречу. Человеческая душа в этом отношении похожа на человеческое тело. Самый рассудительный человек, отправляясь из одной местности в другую, конечно, старается идти по прямой дороге, — идет прямо, подходит к самой цели своего путешествия; но вдруг навстречу ему буря, от которой нет возможности спрятаться; как бы человек ни был убежден в крепости своих сил, но ему остается одно: пасть на землю — и выжить, пока буря пройдет.

Сильная буря бывает не только вне человека, но и внутри его; эту бурю представляют собою страсти, которые волнуют человека и разлагают его внутренний мир. Как бы ни был благоразумен человек, как бы он ни желал удержаться от известного зла, но если ему придется повстречаться в собственной жизни со страстями, принявшими размер бури, то разум, который идет прямо, совесть, которая содействует тому, чтобы не шататься в стороны, замолчат, если только вполне разыгралась душевная буря.

Поэтому как в душевной области, так и в области внешней не тот благоразумен, кто не падает, несмотря ни на какую бурю, а тот благоразумен, который не позволяет себе пуститься в дальний путь в то время, когда его может застигнуть буря и засыпать ему песком глаза.

Но человек — не Бог, силы его ограничены, он должен по возможности избегать всяких душевных бурь и не насаждать в своей душе тех мелких, сорных растений, которые, развившись, могут потом человека погубить. Когда раз, по неосторожности ли человека или под гнетущим давлением внешних причин, в душе его посеяны те или другие семена, то из семян этих, равно как из семян, брошенных в хорошую почву, совершенно естественно выходит роскошная растительность. Как вырастают деревья из семян, так точно из причин являются поступки уже помимо воли человека.

Вот ввиду этого обстоятельства в настоящее время господствует учение, что не нужно быть сумасшедшим навсегда, не нужно быть безумным навсегда, но что можно быть в состоянии невменения, в состоянии того душевного угнетения, которого не существует и прежде события, к которому не бывает возвращения и после него.

С таким случаем, как я думаю и даже убежден, в настоящее время мы имеем дело.

Чтобы понять, в каком состоянии духа и в каком состоянии нравственной ответственности был Николай Александрович Лукашевич в ту злополучную ночь, в которую совершилось убийство Фанни Владимировны Лукашевич, нужно себе представить всех действующих лиц той печальной драмы, которая разыгралась в семье Лукашевичей. В этой драме, как и во всех драмах, которые мы видим на сцене, есть главные действующие лица, есть второстепенные артисты и есть люди без слов. Главными действующими лицами в этой драме являются покойная Фанни Владимировна Лукашевич, Николай Александрович Лукашевич и отец его Александр Петрович Лукашевич. Изучая их характер, их свойства, мы найдем очень многое; мы увидим, что многое, что выполняется волей и характером отдельного человека, есть результат соединения трех взаимно противоположных, несходственных элементов, которые, однако, вместе дают сплошную картину ссор в их семейной жизни.

Эти три лица я назвал. С одним из них, подсудимым, вы, конечно, знакомы более всего, ибо ему посвящались эти дни. Для определения характера этого человека и того, как он мог поступить в злополучную минуту, мы найдем немало данных в его жизни. Но как у дерева первые ростки определяют его будущие штамп и крону, так детство и первые годы ребенка нередко влияют на образование будущего характера, — иначе невозможно говорить о семейных чертах.

Детство Николая Лукашевича не радостное. Хотя мы здесь недостаточно подробно изучили семейную жизнь отца Лукашевича с первой его супругой, но одно оказалось несомненным, — что Николай Лукашевич очень рано был лишен родительской ласки; его увезли подалее от Екатеринослава, в Петербург; из Петербурга он отправился к немцам, в Ригу, где и закончил свое воспитание.

Потом мы встречаем его на театре войны. Про дом свой он знал так, как евреи знали, живя в Египте, про обетованную страну, — что там есть что-то кипящее молоком и медом. На самом же деле этой страны он не знал, он только мечтал о ней.

Вместе с тем он был лишен главного условия, необходимого для правильного роста того здорового дерева, которое называется «нравственным человеком», — того условия, которое природа предоставляет с рождения всякому человеку; это — участие матери, которую Николай Лукашевич никогда не видел.

Я не думаю, что только во втором браке старика была плохая семейная жизнь. Не было ли и во время первого брака каких-нибудь печальных страниц, которые заставили мать предпочесть держать своего сына вдали от семьи?..

Но отсутствие матери едва ли может быть заменено чем-либо. Гувернантки и бонны, окружавшие его с раннего детства, едва ли могли посеять в нем какое-нибудь нежное чувство...

Затем он провел свое детство исключительно в мужской школе, в среде мальчиков, в немецком заведении. Понятно, что у него не могло образоваться той необходимой нежности и ласки, которые сообщает человеку материнское воспитание.

Таким образом велось воспитание Николая Лукашевича. Потом когда он поступил на службу, то был уже человеком зрелым, с характером жестким. Служебная обстановка его также была чужда элементов нежности.

Судьбе угодно было поставить его жизнь так, что даже общественная деятельность не приучала к нежности. Едва он успел поступить на службу, как вдруг, по стечению исторических причин, общих для всей России, ему пришлось очутиться в действующей армии, сразу стать лицом к лицу с кровью и страданиями; тут уже и речи не могло быть о развитии нежных чувств.

Там он проводит год. После — возвращается в дом, но здесь застает уже существенную перемену. В этом доме давно уже нет матери; в этом доме завелась другая женщина на правах матери — Фанни Владимировна, которая имеет своих детей.

В доме совершенно другая обстановка. Отец, естественно, мог привязаться, по известным нравственным и физиологическим условиям, и к этой новой женщине. Но привязанность мужа к жене никогда не могла связать мачеху и пасынка тою любовью, которая лежит в самой крови, в самом факте рождения.

Поэтому привязаться к мачехе, почувствовать родственные к ней отношения он не мог. Если эта женщина не отличалась особенно высокими нравственными качествами, если она не имела с ним нравственного общения, то, конечно, отношения между ними с первого же дня должны были быть натянуты, потому что не было того сдерживающего элемента, который примиряет родственною кровью людей даже после вспышки. В то же время его волнуют совершенно другие качества мачехи...

Но школа и служба научили его такту, научили сдержанности, военная дисциплина выработала в нем терпение. Конечно, не любовью к мачехе я объясняю ту выдержку, которая являлась ответом на различные сцены. Не родственным чувством, не духом любви, не примиряющим началом руководствовался Николай Лукашевич, когда подобного рода сцены оставлял без вредных последствий и часто, уходя без обеда, оставляя на не-

сколько часов родительский дом, бродил с ружьем по полям.

Сдержанность долго его выручала. Но сдержанность без чувства примиряющей любви представляет собою здание из досок, не сбитых гвоздями, здание крайне непрочное и весьма опасное для прикасающихся к нему. Сдержанность — это только средство угнетать волю, загонять снаружи внутрь болезненные наросты. Такт и сдержанность напоминают мне те хозяйственные распоряжения, существующие в некоторых городах, когда накапливающиеся в домах нечистоты, вместо того чтобы вывозить за город, в самих домах закапывают в землю. Снаружи все прилично и как будто есть порядок; но, в сущности, эти нечистоты накаплиются, накапливаются и заражают ту почву, которая скрывала их. Таким образом, результатом сдержанности являются те горькие плоды, которые, постепенно развиваясь в душе человека, заражают весь внутренний его мир.

Заражение это было тем ужаснее, что противовеса в этой душе и со стороны не находилось. И сама Фанни Владимировна была далека от чувств ласки, дружбы; она вовсе не старалась посеять семена этих чувств в своем пасынке Николае, равно как и в прочих лицах, с которыми она проживала по несколько времени.

Таков Николай Лукашевич в момент приезда его в родительский дом.

В родительском доме живет Фанни Владимировна. Я о ней дурного ничего не скажу и вместе с прокурором разделяю мнение, что на несчастную женщину много наговорено лишнего. Но я считаю возможным пока утверждать только следующее: что у ней характер был никуда не годный. Это я знаю не только из слов домашних, но и из показаний беспристрастных посторонних свидетелей, вроде мирового судьи Ковалевского, Кисель-Загорянского, Орловского и некоторых других.

Вы помните: к кому она ни адресовалась, на всех производила одно и то же впечатление, — в натуре ее

для всех заметна была какая-то раздражительность. Приезжает к одному посоветоваться, чтобы начать дело с мужем. Тот говорит: «Нельзя с мужем!..» — «Ну так с сыном!..» Очевидно, начинается дело с сыном не потому, чтобы она действительно была обижена: она начинает одно дело взамен другого, чтобы только удовлетворить известному состоянию духа.

Вы знаете от других лиц, живущих в доме, какой несдержанный характер был у ней по отношению к пасынку. Вы помните, сколько происходило печальных сцен, ярко обрисовывающих историю развития отрицательных качеств ее души...

Другой вопрос, что было причиной всех этих историй, кто был виновником в подготовке той почвы, на которой цвели всевозможные семейные безобразия. Быть может, почва эта была подготовлена проделками ее мужа. Может быть, совершенно справедливо, что он женился на ней только для того, чтобы, вместо гувернантки по условию, за известную плату иметь гувернантку даром, к чему присоединялись еще и другие удобства. Быть может, он, не любя второй жены, не любил и детей от второго брака. Все это, может быть, правда. Сам он далеко не владел таким сердцем, которое было бы вполне застраховано от других. Нет! Нет! Это сердце ныне занимал один предмет, завтра другой...

Но если только эти факты верны, то, конечно, женщина, которая мечтала в браке найти новую, обеспеченную, мирную жизнь, не могла быть счастлива. Она не могла относиться с уважением к человеку, который изменяет обязанностям семьянина, будучи в таком возрасте, когда бы уже нужно об измене отложить всякое попечение и настоятельно думать только о том, чтобы нам не изменили по нашим преклонным летам. Отсюда рождается неуважение к мужу; а вместо чувства любви, которое проявляется иногда, каким-то придаточным обстоятельством, начинаются те неприятные столкновения, которые весьма естественны в семье, где вмес-

то любви и верности, вместо желания долго жить-поживать, — длинный ряд неудовольствий, обманов, измен и оскорблений.

Все это неизбежно сообщило некоторую резкость ее характеру. На ту беду, она была в некотором отношении счастливою матерью, то есть слишком часто приносила детей своему мужу. У ней появилось естественное чувство — материнское. Но, как совершенно справедливо заметил и представитель обвинительной власти, с рождением детей известные отрицательные качества мачехи должны были сделаться ей вполне присущими. Самые добрые качества, качества матери, любящей своих детей, обуславливали в данном случае качества злой мачехи.

К этому надобно сказать, что, кажется, была у ней еще одна привычка — привычка считать в своем доме главным лицом то лицо, которое было главным в ее жизни до выхода замуж: слишком большое значение она придавала своей матери... Видимо, она мало знала ту давнишнюю, вековую истину, что, женившись, люди оставляют отца и мать и живут самостоятельную жизнью. Таким образом, она вводила в семью еще новый элемент, которому желала дать значение. Входя в дом, она получала права, которых не имели родные первой жены. Весьма естественно, что подобные права не могли не вызвать чувства отвращения в детях от первого брака, а также и со стороны жениной родни. Вы помните, что, едва только состоится примирение, немедленно пишется матери: «Приезжайте...» Здесь вы видите новую черту характера, которая обуславливала семейный раздор.

Третье действующее лицо — старик Лукашевич. Я уже сказал мимоходом, что он стар, но не весь... Кроме того, сколько видно из дела, у него есть еще одно качество — качество рисоваться своим горем. Он даже здесь, на суде, когда рассказывал длинную повесть своих отношений ко второй супруге, указывал, что ко-

гда он жаловался на свою супругу, то она была кругом виновата, а он всегда был прав. Я оставляю этот вопрос в стороне. Но должен сказать, что есть лица, которых до известной степени можно назвать страстотерпцами: они любят рассказывать о том, что много страдают, даже болеют, но никогда не страдают за тех, кому сами причиняют страдания; они даже не понимают этих страданий и не упоминают о них; свою впечатлительность они слишком высоко ценят.

Старик Лукашевич был именно таким человеком. Он помнил только то, что ему нехорошо; но что другим худо, хотя бы и по его вине, он это совершенно забывал. Он, не стесняясь, здесь, на суде, рассказывал о своем горе, причем напирал на то, что все его горе шло от второй жены. Следовательно, он не мог делиться с нею своими страданиями, он должен был искать на стороне покровителя, такого человека, с которым мог бы поделиться своим горем.

На ту беду, в семейство по окончании войны приезжает Николай Александрович Лукашевич. В доме ему представилась картина не очень радостная. Многое изменилось из прежнего с тех пор, как он помнил себя. Правда, не было такого разрушения, какое изобразили мадемуазель Тюрен и Гофман. Но ведь привычки детства к известному месту вызывают много святых воспоминаний; иногда тот же самый образок, переставленный на другое место, мы считаем не тем; от самых незначительных перестановок мебели картина совершенно меняется. Лукашевич почувствовал, что здесь не тот дом, о котором он мечтал: в нем пахнет чем-то чужим; вместо меду он встречает горечь; вместо обетованной страны он попадает в египетское рабство.

Затаенные чувства отца, по-видимому, быстро раскрылись пред старшим сыном. Чтобы не сделать с ним того же, что сделал с младшим, Леонидом, отец рассказывает ему свое горе, свои страдания, причиной которых выставляет свою жену. Как он мог не верить? Мо-

ФЕДОР НИКИФОРОВИЧ ПЛЕВАКО

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Ольга Попова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.07.2026.

Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 33,6. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА*,	АЗБУКА* тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью

«Можайский полиграфический комбинат»

143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-CPI-42644-01-R